

Валерий Корниец

Анатолий
Крымский
избранное

S. K. ...

Валерий Корниец

**Анатолий
Крымский
избранное**

(перевод с украинского)

Кировоград-2014

ББК 84(4РОС) 6 – 5

УДК 82 – 1

К 24

Корниец Валерий.

К 24 Анатолий Крымский. Избранное. – Кировоград:
Центрально-Украинское издательство, 2014. - 80 с.

ISBN 978-966-130-042-1

В новой книге переводов Валерия Корнийца представлены избранные поэтические и прозаические произведения известного Кировоградского поэта, члена областной организации Союза писателей Украины, почётного председателя Кировоградской областной организации Конгресса литераторов Украины Анатолия Крымского.

Для перевода использованы произведения из книги Анатолия Крымского “Обрубані рамена”.

В своих переводах В.Корниец дал новую жизнь произведениям Анатолия Крымского.

ББК 84(4РОС) 6-5
УДК 82-1

ISBN 978-966-130-042-1

© В.Корниец, 2014

© А.Корж, предисловие. 2013

© Центрально-Укр. изд-во, 2014

ТАЙНЫ АНАТОЛИЯ КРЫМСКОГО

В современной украинской литературе меня всегда интересовала непрерывность литературных традиций. И её сразу же замечаешь в книге Анатолия Крымского “Обрубленные плечи”. Первая часть – “Поэзия”, вторая – “Документальная проза” Читая его прозу, понимаешь, что коснулся Книги Времени.

Современная литература довольно часто грешит неровностью, и читатель устаёт от необоснованной сюжетной динамики, цензурщины и “чернухи”- гарантов быстрых продаж. Проза Анатолия Крымского в чём-то иная. Погружаясь в тексты повестей “Реабилитированный посмертно”, “Не все раны заживают”, “Борис – имя христианское”, ощущаешь неторопливый ход Времени. Следуя за событиями в жизни героев, сам возвращаешься в детство, в хатёнку деда, где икона Божьей Матери, портрет Тараса Шевченко в углу напротив, ходики с кукушкой и золотая тишина, в которой прописан мерный стук “тик-так, тик-так, тик-так”.

Повесть “Реабилитированный посмертно” посвящена талантливому поэту Андрею Ивановичу Крымскому, родному дяде автора. Течёт не спеша жёсткая правда, тихо размывая плотину современного невежества и заскорузлости общества. Будто бы и нет чуда – истории рода, села, ареста поэта, а всё же прикасаешься взглядом, словно к рембрантовскому полотну, - и видишь вечер в хате, куда ворвалась сельская повитуха бабка Компанийчиха... “Маленькая пузатая бутылочка булькнула и влила в напёрсток то, что сразу развязало язык повитухе – и она затараторила торжественно и радостно, пересыпая речь свою такими эпитетами и метафорами, и, в то же время, естественно не подозревая, что именно эти горячие и искренние слова, словно серебряные переливы неистощимого родника, свойственны только одному в мире языку – украинскому”.

Таких природных жемчужин хватит у Анатолия Крымского не на одно ожерелье.

Сцены допросов поэта Андрея Крымского возвратили мою память к воспоминаниям покойного деда Александра Корнеевича Коржа. В освобождённом от фашистов Киеве в 1944 году попал он в следственное управление НКВД на улице Короленко. Следовательно-

старлей ломал ему пальцы левой руки, затискивая их в двери. “Трудная у него была работа”, – рассказывал дед, глядя на искалеченную руку. Дед Александр долгие годы работал на КВРЗ кузнецом – клепал паровые котлы для паровозов. Руки были сильные, пальцы, как корни старого дуба, ладони твёрдые и широкие, как деревянная лопата для снега. “А всё-таки справился, сучий сын, даже кожа лопнула”, – вспоминал он работу палача из НКВД. Каждую украинскую крестьянскую семью зацепила советская власть – кого голодом, кого репрессиями, кого унижением нищетою. Зацепила – и сгнула без покаяния.

В прозаических произведениях Анатолия Анатолиевича много примеров света и добра. Примеров документально выверенных, с авторской гордостью найденных и сбережённых фактов. Привлекают внимание две успешные судьбы земляков с Кировоградщины – профессора Владимира Ивановича Шаповала (“Не все раны заживают”) и генерала Бориса Николаевича Кузика (“Борис – имя христианское”). Написаны интересно, с добрым взглядом и искренней аналитикой.

В конце прозаической части книги нас ожидают эмоциональные открытия.

Рассказ “Выстрел в спину” на мгновение задерживает дыхание, от “Таракана” колотится сердце, а “Петрусь и Любка” заставят прослезиться, потому что встретились мы с горькой украинской любовью.

Возвращаясь к непрерывности литературных традиций, понимаешь, что это и есть одна из тайн прозаических работ Анатолия Крымского. Не расставаясь со своими Трилисами, он, как Габриель Гарсиа Маркес в романе “Сто лет одиночества”, воспроизвёл своё Макондо. Как гениальный Михаил Шолохов вывел в широкий мир с хутора Татарского своих Мелеховых, так и Анатолий Анатолиевич рассказал нам о трудолюбивых земляках с Кировоградщины. Его герои выходят на степную дорогу, чтобы удивить мир своими судьбами, чувствами, неприхотливой особенностью украинской культуры. Улыбчивые и добрые, они идут к нам.

Что о поэтическом разделе книги. Субъективное чтение поэтических текстов базируется на отработанных годами отрицаниях,

на трёх “нет”. Не дочитываю до конца растянутые произведения, не верю стихам на политические темы, не переношу скучного нытья и навязчивой украинской печали. Поэтому, осторожно листая поэтические страницы коллег, руководствовался своими предостережениями.

Находил, читал и завидовал. Завидовал, потому что “не моё” было старательно обработано Мастером.

Неожиданно обратил внимание на судьбоносное стихотворение “руховца” Крымского “Предвыборная гоп-компания”, где автор в 1991 году высек “левых”. Талантливо высек, грех не поддержать, потому что правда..

А вторая правда ходит по кругу, как лошадь на замесах. В 2004 году “святое руховское украинство” во главе с главным мерзавцем выгнало пинками из НСПУ украинского глубинного интеллигента Крымского, великого поэта Юрия Каплана, мастера слова, знатока мировой литературы Юрия Кириченко и более сотни таких как они мастеров! К сожалению, украинская литература, как и украинская история, пронизана предательством идей и глубинных смыслов.

Но вернёмся к поэзии Анатолия Крымского.

Испытываешь наслаждение, читая “Сельский этюд”:

*Ещё деревья в предрассветье мутном,
Туман холодный не колышет ветер,
Выходит мать и начинает утро
Под перезвон подойника в поветке.
Поймала солнца луч за острый кончик,
У дойника позолотила ухо.
Петух встряхнулся. Грузовик рокочет.
Прогомонили в поле молодухи.
Проснулось утро.*

Шедевром поэтического творчества Анатолия Крымского, достойным включения в украинские хрестоматии, является триптих “Победа”.

*А мы с сестрой дровишек принесли,
Печь затопили, радуясь теплу.
Тот зимний день принёс нам счастья крохи:*

Анатолий Крымский. Избранное

*Немного каши в чугушке сварили,
Мать с двухсторонним воспаленьем лёгких,
Как тень, с постели поднялась впервые.*

Простой эпизод, который, как пересохший самосад, дерёт глаза и горло, не давая продохнуть.

Эмоциональное впечатление от поэм, представленных в книге, не меньше, чем от упомянутых рассказов. Бессонницы хватит не на одну ночь.

Первым читателем книги “Обрубленные плечи” стала моя мама Людмила Ивановна, ровесница Анатолия Анатолиевича, круглая сирота с 1943 года. Для обсуждения прочитанного нам всегда хватало нескольких предложений. Но по поводу “Крымских чтений” она написала письмо и передала его мне лично.

Цитирую: “Проза глубокая, пережита душой в период великих десятилетий. Жаль только, что в эпоху “интернетов”, кроме моего исчезающего поколения, мало кто будет его читать”.

Мне кажется, что мама ошибается. Ещё выживает в Украине моё поколение. Оно мощное, образованное. Мы не исчезли. Мы – есть!

Александр Корж,

Председатель Всеукраинского

творческого объединения

“Конгресс литераторов Украины”, поэт.

Ї Î ÝÇÈВ

“На мои обрубленные
Плечи
Лёг ветрами
Край волшебный мой.
Степь моя!
Ты в ожиданье встречи
Колосись
И за меня допой!”

*(Андрей Крымский,
1937 год)*

З А П Е В

Отгремело. Отсверкало. Отаукало.
Ветер стих, на землю лёг, устав бежать.
И проснулся я, недавно убаюканный
Колыбельною весеннего дождя.
Распахнул окно. Дохнул озоном ветер,
И внезапно захмелела голова,
Вместе с радуги сияньем многоцветным
В моём сердце засветились вдруг слова,
Перемешанные с радостью и болью –
От того, что суждено нам, не уйти –
И позвали в путь-дорогу за собою
По тропинкам и пологим, и крутым,
На поля, где колоски целует ветер,
По бороздкам – чёрным, первым – по стерне...
Где бы ни был я – не отрекусь вовеки
Я от слов, что поселились вдруг во мне.
С ними от беды хранить страну родную,
Проложить к мирам неведомым пути...
Вот ещё бы к ним и музыку придумать
Да весенне хороводами пройти!
Отогнать все беспричинные печали,
Всю тоску и боль навеки скрыть во мгле,
Чтоб с разумными и добрыми очами
Расцвело людское счастье на земле.

У К Р А И Н Е

Отличить бы служителя от холоя,
Чтобы цену узнать крокодиловых слёз.
...Кто-то будет рыдать: мать родная моя, —
Забывая, как много ей горя принёс.

Вышиванку Иуда парадно надел.
“Ще не вмерла”, - орёт, не успел додушить,
И напишет о том, как о ней он радел,
Бесхребетно-бездарные “чудо”- вирши.

Не гневись на иуд и прости холою,
Украина, сошедшая в муках с креста.
Головою склоняюсь под ризу твою,
Чтоб на исповедь горькую вскрылись уста.

Оседлаю коня – скачет пусть сквозь беду
За живую водою – для отчих краёв,
И, себя раскрестив, в твой спорыш упаду,
Стану прахом и небом в просторе твоём.

1992 год.

П О Э З И Я

Не вымолишь, коль недостоин
Такое получить причастье.
Она внезапна, словно стоны
От счастья.

Расправишь крылья, строфы ловишь,
Рванёшься к высям –
И над землёй взлетает слово,
Гремя, как выстрел.

Рассыплет молний сноп горячий,
Сомнёт бессилье –
И мир откроется незрячим,
Его творил я.

А, может, рифмы в потоке ритма
Шепнёт тихонько, -
Неотделима,
Неповторима.
Моя!
И только.

***

Перед глазами жёлтым, и красным, и синим...
Обморок это, я знаю, мама.
Голос твой слышу “сыночка, сына...”
Только сил ещё мало.

Стучит в виски это “сын, сын...”
Грустно так, как удода голос.
Доктор сказал: “Упадок сил”.
Только я знаю – голод.

Перед глазами красное, синее, белое...
Да, это жизнь, потому что смерть – она чёрная.
Вчера последнее смолола жёрновом –
И ни зёрнышка более.

Что бормочу я? Подай водицы.
Бред. Что со мной?..
Редко бывает. Но всё же снится
Год сорок седьмой.

С Е Л Ъ С К И Й Э Т Ю Д

Ещё деревья в предрассвете мутном,
Туман холодный не колышет ветер.
Выходит мать и начинает утро
Под перезвон подойника в поветке.

Поймала солнца луч за острый кончик,
У дойника позолотила ухо.
Петух встряхнулся, грузовик рокочет.
Прогомонили в поле молодухи.

Проснулось утро.

ГРОХОЧЕТ ГРОМ

Смотрю на мир очами чёрными,
Хожу один в людской толпе,
А в небе звуками мажорными
Мне гром запел,
Мне гром запел.

Мчит время огненными вёрстами,
И тучи пламенем горят.
Грохочут громы теми вёснами –
В них жизнь моя,
В них жизнь моя:

Как берегли любовь несмелую,
Как ты пришла в мой скромный дом,
Но растерялась, шаг не сделала –
Ударил гром,
Ударил гром!

Твой след пропал, как зачарованный,
Затерян где-то меж людьми...
Воспоминанием взволнованным
Лишь гром гремит,
Лишь гром гремит.

Я ЕЩЁ НЕ ДОМЕЧТАЛ

Мне в окно мечта ещё стучится,
И трепещет сердце, словно птица,
Я ещё у леса на краю
Поискал бы молодость свою.

Я ещё не весь перегорел
На закате в пламенной заре.
Что-то шепчет тополь о весне,
А уже и дочь на выданье.

Я ещё не покорился лжи,
Лебединой песни не сложил,
От бессилья рук не опустил,
Не возвёл над пропастью мосты.

Стать к причалам грустным не готов,
Не испил просоленных ветров,
Не осыпал иней брови мне,
А уже и дочь на выданье.

Слушай, дочь, деревьев голоса,
Журавлиный клекот в небесах,
Шёпот волн, так нежно-голубых,
Долюби, что я не долюбил.

Песни все допеть не в силах, пусть!
Ты допой и радость их, и грусть,
Первый иней старости моей
Ты у сердца ласково пригрей.

О С Е Н Н Е Е

Снова балками млеют сумерки –
Осень не за горами.
И в глаза брызжут сумраки
Дождевыми ветрами.

Словно ржавые роботы,
Клёны в рыжей листве.
Сапоги грузно шлёпают
По увядшей листве.

Костерки огородные
Задымили – запахло...
Твои руки холодные
Я упрятал за пазуху.

Исчезает околица,
Словно сон после ночи...
Ты о взгляд не уколешься,
Посмотри в мои очи

***

Это может вдруг нахлынуть среди ночи
Из мальчишеских, из дальних грёз туманных.
Что-то тайное сказать любимой хочешь,
Да оно не говорится, только манит
В детство, в сказку, в мир волшебный и далёкий,
Где скрипит снежок и дышится глубоко,
Где дрожит от синей стужи месяц робкий,
И внезапно перепутаются тропки,
И внезапно окунёшься в звёздный жемчуг,
И от радости не убежишь далёко,
Только губы, только руки что-то шепчут,
И горят от поцелуя обе щёки.
Юность милая, идём, забудем беды,
Стол накрыт для нас с тобой в светёлке рядом,
Вот и ёлка со смешным Морозом-Дедом –
Как невеста в ярком праздничном наряде.
Скажем тост вдвоём? По-книжному не станем.
Ты не бойся, я здесь рядом, как бывало.
Хочешь небо синь в глазах? – И заблестало!
Хочешь смех разлить в бокалы? – Разливаем!
.....
Это – грёзы.
Жаль, что редко
Так бывает...

***

Вновь былое не отыщем,
Мир так страшно поменялся:
За февраль ты замуж вышла,
Я же в январе остался.

Снег... Рябины гроздь алеет...
Отгорело, Отзрело...
Эх, дожить бы до апреля,
Может, солнышко б согрело.

О С Е Н Н Я Я   Г О Р Е Ч Ь

Листопад. Поблёкла красок резкость.
Скрип берёзы ветру в унисон.
Старости непрошенная трезвость,
Долгий зимний ненавистный сон.

Ветками черешен и весельем
Отбурлив, весны промчался шал,
А отравы зелье на похмелье
Злой колдун мне в чашу подмешал.

Пей до дна! И горе пусть – в осколки!
Сохнут в жажде души и уста.
Чей-то зов? Там кто-то шепчет: “Горько...”
Горечь... Осень... Горечь... Пустота...

***

Любимая, смейся,
Не хмурься устало.
Мне встретилась песня,
На сердце упала,
Как свет, что пролился
На чудо-икону...
Я с ней подружился,
Навек к ней прикован.
Был дружбой привечен?
Ей-Богу, не знаю.
Быть может, ответит
Трава луговая?
И шепчет отава:
“Если радость – все други,
А трудно – оставят
Без шпор и подруги”.
А с песней встречались,
По свету бродили –
Усталость, печали
И боль проходили.
Не выстроил с песней
Хоромы из злата,
Работа – хоть тресни,
Копейки зарплата.
И пусть сединою
Стучит в сердце старость,
Но песня со мною
Ещё не рассталась.
Родная, не смейся –
Вновь на сердце песня.

***

Заболит, заболит
И пройдёт, только след будет жечь,
Только горе в очах
Да на губы печаль упадёт.
Вдруг нежданно открылось:
Меня ты не любишь уже –
Не к лицу сивый явор черешне,
Что нежно цветёт.

На пороге зимы
Задержусь – срок платить по долгам
И садам, и лесам,
И беременной рожью земле...
Мне на смену другой
Переступит твои берега.
И непамять легла
На тревоги мои, как снега.

В день урочный потомки
Совершат поминальный обряд,
Кто-то выпьет стакан,
Что-то вспомнит, покой бередя.
Будут вёсны шалеть,
Будет плакать сырой листопад,
Будет радость и боль,
Будет счастье и злая беда.

Серебристый пунктир
Самолёт прочертит в голубень,
Эхо громким раскатом
В ближней роще разбудит июнь...
Но уже никогда
Не придётся так нежно тебе
Вдруг притиснуть к лицу
Небольшую ладошку мою.

О З А Р Е Н И Е

*“Поэзия – не прихоть полубога,
А хищный глаз простого столяра”.*

А. Вознесенский

Хищный глаз у столяра простого –
Вовсе не поэзия, каприз...
Помнишь? Мы с тобою пили стоя
Из ручья, что с гор срывался вниз.

Помнишь? Отблеск пламени неровного
На лице испуганном твоём.
Помнишь? Гордо, дерзко и раскованно
По горам ударил первый гром!

Ливень пришил нас к глыбе каменной,
Ветер сарафан твой в клочья рвал,
И шептали губы непокаянно
То, чему не верит голова,

То, чего нельзя увидеть оком,
Только лишь в душевной глубине
Ощутил, как властно и жестоко
Чудо поселилось вдруг во мне.

И тогда, схватив тебя за плечи,
Долго я в лицо тебе кричал
Что-то (так кричит гортанно кречет) –
Неподвластное для толмача.

Ты смеялась, плакала, кивала,
Капли растирая по щекам,
Ты меня отлично понимала
По дрожащим пальцам, по губам,

По лицу, которое, казалось,
Выбелил мороз или испуг...
Ливень стих. И прочь гроза умчалась,
Тишина раскинулась вокруг.

Лишь тогда пришло, явилось слово,
Сбросив неуверенность и страх,
И тогда, словно родившись снова,
Солнце засияло нам в горах.

ЖИЗНЬ, ПОКАТИВШАЯСЯ ВНИЗ

Жизнь, покотившуюся вниз,
Остановить никто не сможет.
Не вороши погасший хмыз,
Его живой огонь не гложет.

Лишь посмотри сквозь сизый дым,
Что бродит над костром голодным,
Где мы оставили следы
На первом инее холодном.

Вон там – ещё в руке рука,
А дальше – пепел серо-синий,
И ветер в грудь, воронье “кар”,
И уронила лист осина.

И клён на фоне красных ран
Дрожит листвой, как от испуга,
И мы, закутавшись в туман,
Бредём куда-то друг от друга.

НЕ СДАЮСЬ ОТЧАЯННЮ

Не сдаюсь отчаянню,
Не сутую плечи,
Сердце – с ветром чайкою,
А в округе – вечер.

Отблеск из далёкого
К тучам лет приколот,
Грёзы синеокие
Не дают покоя.

Молодыми рифмами
К вёснам бы вернуться.

.....
Грустно двери скрипнули,
Низко вербы гнутся.

ВМЕСТО ЭПИТАФИИ

Валерию Гончаренко

Прости, что на могилке не бываю
И что за упокой не пью давно,
Но каждым утром с болью наблюдаю,
Как птицы прилетают под окно.

В них грусть твоя, и радость, и усталость,
Они молчат со мной в немой беде...
Сентябрьское всё сентябрю осталось,
А всё твоё назначено тебе.

Как тяжело, друг, сквозь одинокость зимнюю
Нести печаль елового венка!
А там, где ты, зелёными озимыми
Встаёт твоих стихов к строке строка?

Конечно же! Сквозь дрёму полусонную
Мне слышится в час утренней зари:
Льют тихий звон колокола подсолнухов,
Правдивые, не чьи-то, а твои!

Прости, я не владею речью сладкой,
Мы оба в ней не видели резон.
Клянусь, что по тебе не буду плакать
Я пьяной оскорбительной слезой,

Когда все жрут и пьют под видом скорби
И что-то говорят, не зная суть.
Прости мне все ошибки и укоры
И освяти моих очей росу.

Пока я жив – в душе моей останешься,
А там, глядишь, пора уже и мне
Прошелестеть колосьями уставшими
На белом, отлетающем, коне.

***

Я родился и старею летом,
Пережил всех юбилеев даты.
На политику чихать поэту,
Наплевать на званья и мандаты.

Только б встать с зарёй и в степь добраться,
И смотреть тайком со стога сена,
Как орда весёлых голодранцев
Из подсолнухов ворует семя,

Как шмели росу на цвете жалят,
Облетая всходы повсеместно,
И как вечно гениальный жайвор
Славит мир с трибуны поднебесной.

Здесь я. Зачем мне город, братцы?
Здесь мои подсолнух, степь и пашня.
И не дай мне, Боже, оказаться
В золотой тюрьме многоэтажной,

Чтоб мгновенно поседеть душою,
Сочинив за деньги деньгам оду.
Может, потому в рай не ушёл я,
Что в моих карманах ветер бродит,

Что ведёт меня босая стёжка,
Из лозы плетёнка за плечами,
Что не должен никому ни крошки,
Лишь... одной. С небесными очами.

***

Когда трава роняет росы,
Я вновь иду на битый шлях,
Чтоб долго слушать, как берёзы
Звенят струною на ветрах.

И вот уже в поля и луки
Разносит эхо этот звон.
И наполняют цвет и звуки
Встревоженное естество.

Поля в душистом перламутре,
Туманы прячутся в траву,
И открывает чудо-утро
Все тайны мира – наяву.

Чем издавна земля богата,
Воочию увидишь ты...
Вот без чего зерно таланта
В любом искусстве не найти.

1973 год

Э Т Ю Д

От работы терпнут плечи
Утомлённо.
Выпил вечер
Мёд из гречки,
Бродит сонно

На деревья лёг, на травы,
На долины,
Лишь вздыхает белым пухом
Тополиным.

Речка. Лодка. В лодке двое.
Скрип уключин.
Дремлют тени над водою
Ив плакучих.

Только сердце разрывается
Шальное:
На меня глядят две зорьки –
Ты со мною.

***

Дождик каплет,
Дождик льётся,
Мокнут цапли
На болотце.

Безыскусны
И просты,
Прямы, грустны,
Как костыль.

***

В небе месяц – белый серп,
Голубые косы верб,
Птахи сонное крыло,
Белы хаты.
Ночь.
Село.

***

Пролетели гуси дикие неожиданно –
Защемило сердце вдруг тоской незваной.
Так стремительно мелькнули, вмиг растаяв:
Над прудом, над полем были – и не стало.

Пролетели гуси дикие над летом,
Над морями, надо всем огромным светом,
Помахали нам крылами, как руками,
Над умчавшимися нашими годами.

И ещё гортанно что-то нам пропели,
Словно нас с тобою в гости взять хотели
В то далёко – пусть забыто, но родное –
А сегодня “серебро” у нас с тобою.

Э Л Е Г И Я

Вот так – я облаком печальным
Над белым светом проплыву,
Махну тебе рукой прощально,
Паду дождём в полынь-траву.

Дохнёт Эол – не вспомни лихом,
И вербы вздох: “Лета – лета...”
Моё “прощай” приникнет тихо,
Как поцелуй, к твоим устам.

А на душе легко и чисто,
Так неба синь спешит к весне,
Лишь где-то зарыдает исто
Моя гитара обо мне.

В осоке рыба шлёпнет звонко,
Да залепечет чернотал,
И месяца кусочек тонкий
Неспешно спрячет чернота.

И в тихом мраке невесомом
С землёй сольётся неба синь,
И возвращусь к тебе я снова
В душистые молодые сны.

***

Полог лиственный выстлан
На тропинке крутой.
Лес стал реже и выцвел –
В жизни всё не впервой.

Птичий гам не смолкает,
Навеяная печаль,
Ежевика кивает,
Говоря мне: “Прощай!”

В покаянье тяжёлом
Дуб склонился к земле,
Перламутровый желудь
Вниз легонько слетел.

Травы терпким настоем
Нас спешат напоить, -
А природа в подполье
Прячет клады свои.

1969 год.

***

Положи нежно руки на плечи, -
Шаг вперёд, шаг назад...
Нас утопит в мелодиях вечер,
Звездопад.

Неразгаданной давней печали
Тень в очах.
Вновь нас вечное танго качает, -
Поздний час.

Вновь хочу я добиться правды,
Свет ты мой.
Только ты её, Бога ради,
Не открой.

Ты в таинственной девичьей мудрости
Будь всегда.
И ревную тебя я к юности.
Как тогда.

1979 год.

О ПОДЛОСТИ

(притча)

Вспоминаю – боли реки
В душу – пламенем горячим...
Как-то встретились калеки:
Он – глухой, она – незряча.
Он рассказывал о цвете,
О зелёном и о синем,
А она – как веет ветер,
Листья шепчутся осины...
Он – о солнце, красках дуга,
Обо всём, что сердцу мило,
А она ему о звуках,
Как могла, на пантомимах.
Им двоим дожди шумели,
Мир предстал в звучащем цвете.
Счастье прятать не умели
И любили, словно дети.
Но однажды злой негодник
Сплетню подленькую выдал:
– От тебя к другой он ходит,
Ты слепа, тебе не видно!
И пропали в мире звуки,
На устах слова застыли,
Лишь взвились в проклятьях руки
К Богу, к небу, к тучам стылым!
Он ослеп. Лишились цвета
Радуг яркие изгибы.
Два мирка на целом свете
Зашатались и погибли...
Недосказанная повесть
И слепая, и немая...
А по свету бродит подлость,
Людам в души яд вливая.

ПЕСНЯ СИВОГО ВЕЧЕРА

Знаю: я ею –
Переболею,
Не зарыдаю –
Перестрадаю.
Тихо усталость
Ляжет на плечи,
Ты – утра радость,
Я – сивый вечер.

Даже ночами
Я не нарушу
Снами-мечтами
Девичью душу.
Было багряным –
Сделалось бледным:
Лет между нами
Целая бездна.

Шарфиком вытри
Слёзы на ветре.
Был я иль не был
Морем и небом –
Встретишься с другом,
Стану вам лугом,
Месяцем полным,
Тропкою в поле.

Право на счастье
Слёзы омыли...
Девичью душу,
Боже, помилуй!
Переложил
Все боли на плечи
С юного утра
На сивый вечер.

***

Был вечер, выдуманный мною,
Дрожали пальцы, свечи, платье...
И ты светила вся от счастья,
Звучала чистою струною.

Был вечер, выдуманный мною,
Встречались губы – и сгорали,
А ночь молчала за стеною,
Пока не посветлели дали.

Был вечер ласковый и нежный,
Душа и тело трепетали...
Но ты, в моих объятьях нежась,
Чужое имя прошептала.

Был вечер, выдуманный мною...

***

Ты в сердцах сказала: “Некрасивый.
За тебя не выйду, не проси...”
Зарыдали гуси в небе синем,
И земля дрожала от росы.

***

Я с тобой, моя родная,
Я с тобою!
Твои груди – словно волны
В час прибой.
В твои косы страсть хмельная
Заплелась.
Твоё тело пахнет яблоками
Спаса.
Твои руки – два крыла –
Ко мне прильнули.
Твои губы – жар июля,
Жар июля!
Пусть приходит только радость
Без печали –
Мы вдвоём с тобой, родная,
Дни встречаем.

А В А Н Г А Р Д И С Т А М

- Ну кто ж так природу обидел? –
Художник спросил у судьбы, -
Фасеточный глаз не увидит
Всю гамму оттенков любых...

А разум подсказывал гордо:
Твоя гениальность в простом.
Пиши и рисуй что угодно,
Пусть думают – гений растёт.

*“Слушай, напиши сценарий, а впрочем,
Ты же подкуплен теми.”*

ПОДКУПЛЕННЫЙ (почти по Роберту Рождественскому)

Я подкуплен был, как говорят,
с рожденья,
Только кем –
того никто не разберёт.
Может, теми,
кто сидел за убеждения,
Их баландой
и тюремным сухарём.

И ветрами, что сквозь красные туманы
В звонницах пустых
устали выть...
Обездоленные,
вывернув карманы,
Медь собрали,
чтоб меня купить.
Я подкуплен и крестами,
и исламами,
И невинными,
распятыми во мгле,
Я подкуплен
обесчещенными храмами,
Что годами шли под склад
и туалет.
Рецензентом,
сигаретами прокуренным,
Критиканством
позолоченных никчём...
Мой прапрадед был подкупленный
в Батурине
Вседержавным окровавленным мечом.

В покупателях и Сталин был,
и Берия –
Заплатили мне
голодным трудовднём.
Я подкуплен был
чернобыльскими берами,
Что народ мой
умерщвляют день за днём.
Не отчаиваюсь я,
не зарыдаю:
Нужно в схватке добиваться
лучших дней!
Я подкуплен был
полковником Дудаевым
И в Полтаве,
и в расстрелянной Чечне.
Горы денег шелестели
что есть силы
Так, что в роще не расслышать
соловьёв.
...Как-то женщина за взятку попросила
Стать родным отцом
для доченьки её.
Мы считаем нынче денежки
мешками –
От зарплаты до зарплаты.
Признаюсь:
Я давно уже закуплен.
С потрохами.
Потому – простите,
Я не продаюсь!

НАКАНУНЕ

Листопад.

Осень медленно гибнет.

Даже листик продрогший

трясётся.

Ты не сыпь на виски мои

иней

И не вей ты мне холодом

в сердце.

Не жалея.

Не хочу я обмана.

Пусть мой крест где-то там,

у обочин,

Только всё же не сыпь

соль на рану,

Опускаясь туманом

на очи.

Проявись, как весной

у речушки,

Когда дни были

тихи и гожи,

Прежней, той

сероглазой девчушкой,

На подросток-подсолнух похожей.

Пережиты и войны,

и стрессы,

Смех и слёзы –

всего понемножку.

Зародилась зима

в поднебесье,

Веет снегом

на наши дорожки.

Руку дай.

Доберёмся до края.

Вышел срок.

Не поспоришь с зимою...

Мы идём.

А как долго – не знаю,

Прощаемся там...над землёю.

***

А осенью ветра над площадью.

Деревья мокры и плащи.

Ты подожди, моя хорошая,

Пока пройдут, пройдут дожди.

И руки не ломай растерянно,

Для встреч не заплетай косу.

Весь майский цвет, для нас расстеленный,

Тебе уже не принесу.

Приду осенний, неприкаянный,

В твою влюблённый красоту,

И не сирень, а, как раскаянье,

Сухой лист клёна принесу.

Приду один в незабытое

От жизненных нелёгких круч

И в двери постучусь закрытые –

Прервёшь молчанье? Щёлкнет ключ?

Во взгляде солнце заплещется,

Ты выйдешь – и уйдут дожди...

Ну а пока – ветра над площадью,

Ты подожди...

МАТЕРИ

Из хаты выйду – манит даль дорог,
А мать печально выйдет на порог,
Окликнет тихим шёпотом полей,
Октавою осенних журавлей.

Зашепчут губы шёпотом листка
О том, что тропка будет нелегка.
И дрогнут руки сломленным крылом,
Засеребрятся косы над челом.

Над осенью, где вянет тихий сад...
Остановлюсь и поверну назад.
Найду свой путь, он самый верный будет –
Путь к матери – и в праздники, и в будни.

П О Б Е Д А (триптих)

- 1-

В литавры бьём. Гремит Победы залп!
Под руководством... Мудрым и бесценным!
Но лишь теперь мы подняли глаза,
Чтобы прочесть победы этой цену.

На всех та миллионная цена.
Но каждый выбирал свою дорогу:
Один, на дот бросаясь, точно знал,
Что если не убьют, то слава Богу.

Другой – в медальях, сытый и живой –
В тылу, в штабах сумел пригреться ловко –
Подписывал, не глядя, приговор:
Кому – расстрел, кому – в ГУЛАГ путёвка.

А в лагере – насилие и страх,
Страшнее петли и в затылок пули.
Тела людей, зарытые во рвах,
Увы, давно свои уста сомкнули.

Как мы боялись – Господи, прости! –
Доносов подлых, лжи хитросплетений.
И ставили дрожащие кресты,
Испуганные собственной тенью.

Не сметь! Не думать! Можно только ждать
Приказы, указания, цидулы.
Сомненья прочь! В мозги и в души вдули
Цитаты гениального вождя.

Сиротство... . Каждый третий – сирота.
Кто виноват?
Фашист? Освободитель?
Усатый миллионов повелитель,
Как хищный Яго, в памяти предстал.

- 2 -

Ещё весной
                  трупы загниют,
Не свезенные
                  в “братские” могилы.
Их зимние снега похоронили.
Испуганный,
                  возле окна стою.

То тишина,
                  то грохот боя снова,
Стрекочут танки,
                  лает автомат,
Фашистов ругань
                  и российский мат
Схлестнулись
                  и слились в едином рёве.

До боли холод.
                  Мёрзнут ноги, руки.
И, наконец, дверь – настезь,
                  топот, крик...
– “Что, спрятались, немецкие, бля, суки?!” –
Седая бабка в хате,
                  двое внуков,
Затерпли губы,
                  онемел язык.

- 43 -

Обшарив всё
                          (да пусто, хоть ты плюнь!),
К другим освободители пошли,
А мы с сестрой
                          дровишек принесли,
Печь затопили,
                          радуясь теплу.

Тот зимний день принёс нам
                          счастья крохи:
Немного каши в чугушке сварили,
Мать
                          с двухсторонним воспаленьем лёгких,
Как тень,
                          с постели поднялась впервые.

- 3 -

Тогда показалось,
                          а нынче вернулось
И не отпускает,
Что мать за всю жизнь
                          первый раз улыбнулась
Девятого мая.
Второй раз,
                          когда снова встретилась с мужем:
Худой и высокий.
Он дважды был ранен
                          и трижды контужен...
И слёзы – в раз сотый.

Заплакала так,
  как “советские” плачут открыто,
Так точно, как после о детях,
  , в Афгане зарытых.
Заплакала так,
  словно в каждой слезе утопила
Всех бериев,
  бывших ещё и при власти, и в силе,
Которые стольких ещё
  и убьют, и задушат,
Которые снова придут
  рыться в судьбах и душах,
Которые будут считать,
  что их власть на столетья,
Насиловать будут девчонок
  тринадцатилетних,
Которые смогут ещё
  у народа украсть миллионы,
Которых и нынче
  никак нам не вышибить с трона.
А батя вернулся. Прилёг и заснул,
Как младенец.
Ещё будет всё: голодуха, ни хлеба, ни денег,
И будут парады, авралы. И пояс потуже.
Ещё будет свёкла на завтрак, обед и на ужин.
Ещё догонять страны сытые
  дружно попрёмся...
Но главное – это ПОБЕДА, а со всем остальным
Разберёмся!

1987 г.

ДОРОГА К ТЕБЕ (поэма)

Глава 1

Из рани, из рани к тебе торопился,
из рани.
Ярами, ярами спешил я,
крутыми ярами.
Изранил, изранил,
я в кровь свои ноги изранил,
Дошёл, наконец,
и рукой прикоснулся я к раме.
А хата а хата,
а хата твоя угловата:
Четыре оконца под стрехой,
ветрами примятой.
И ты у порога,
бледна и нема, как освята, -
Принять ли?
А в хате, а в хате,
а в хате лишь тени лохматы,
Как думы, угрюмы,
на счастье ведь жизнь не богата.
Зеницы-криницы,
нырни – и утонешь без звука.
Отчаянье, чаянье –
может, не долго разлука.
А ели гудели,
под ветром холодным качались,
Зима на подворье
весну неохотно пускала.
Вдруг с крыши крылом
помахал нам приветливо аист –
Дорога-тревога
обоих нас не испугала.
Ты нас ожидала.

Глава 2

Ты нас ожидала.
Ты нас ожидала с той дали!
Скрипучие ставни
вокруг тишину распугали.
Просвечивал месяц сквозь окна,
где тьма потихоньку гнездилась,
Мои (или месяца) фото
на стенах печально светились.
А хату, а хату снаружи
сухие снега обсыпали,
Герои из грёз
молча в книжках на столике спали:
Царевну спасли из неволи,
на подвиги шли неоднажды,
Изранив отважную грудь
подлой шпагою вражьей.
Ты в снах неглубоких
героя мечты ожидала,
А я побеждён был
отчаяньем, грустью, годами,
Я шпагу свою много лет,
как сломал о колено,
А подлость жила,
потому только сердце болело,
И ложь не хотела
скрестить со мной шпагу для боя,
Бежали двуликие,
путая след за собою.
Я шёл по дорогам,
я нёс изнурённое тело,
А где-то вверху
журавли на гнездовья летели,
И звали меня за собой.
Журавлями ведомый,
Я шёл, и нашёл,
и зашёл в этот маленький домик.

Входил в темноту, в темноту,
в сумрак тайный и тёмный,
В твой быт беспокойный,
но очень домашний и тёплый.
Сухие колосья, чабрец
пахли густо, как ладан,
Светились окошки,
и кот шевелился под лавкой,
Светились окошки
весеннею, новою ранью,
Светились печальями –
ты врачевала мне раны,
Спасала, лечила
тревожными днями – ночами.
А где-то на вербах
весенние птицы кричали.

Глава 3

А где-то на вербах
весенние птицы кричали,
Когда нас в селе
незнакомые люди встречали,
Здоровались так,
словно были давно мы знакомы:
“Под вечер зайдите на праздник,
мы ждать будем дома!”
И в скромных светёлках
радушно к столу зазывали,
По глиняным кружкам
хмельное вино разливали,
В широкое поле водили,
за речку, за вербы,
Где чёрная пахота
тянется к самому небу.
С тобою мы вместе
ходили лугами, садами,

И взгляды людей
любовались приветливо нами.
Лишь взгляд обывателя
был и холодный, и липкий:
-Смотри-ка! В годах – а туда же,
всё ходят в обнимку!
Нам под ноги травы стелились ковром.
На опушке
Нам долгие годы любви
обещала кукушка,
И сизый орёл помогал
над землёй взмыть немного...
Но только к тебе
не закончилась жизни дорога.

Глава 4

Но только к тебе
не закончилась жизни дорога.
Не надо, не надо,
не надо прошедшее трогать!
Предстало бывшее
и чёрным укором коснулось –
В той жизни прошедшей, былой,
мы с тобой разминулись.
Когда-то мы оба
любовью назвали ошибку
И юность свою схоронили
под склепом фальшивым.
Считали любовью
тот первый влюблённости признак –
Теперь он упорно
встаёт пред глазами, как призрак.
Он ходит за нами,
он ходит за нами полями,

Железный шлагбаум немой
опустил между нами.
За нами идёт по пятам он
и полем, и лесом,
На ржавых весах каждый шаг наш
пытается взвесить.
Снуёт возле нас и бубнит,
вспоминая обиды,
Что всё уже было...
Довольно, ведь люди увидят!
И вновь возникают
сомненья, обиды и боли,
И вновь, обжигаясь, бегу я,
бегу за тобою...
И вновь нам дороги
глухие преграды мостили,
Пока мы былое
всем сердцем навек не простили.

Глава 5

Пока мы былое
всем сердцем навек не простили...
Мы стали простыми?
О нет, мы не стали простыми.
Мы сбросили лишнее –
наши сомненья и ревность,
Как панцирь лягушки
смогла сбросить в сказке царевна.
Дороги легли
в распростёртые дали приветно,
И обняли нас
порыжевшие тёплые ветры.

Понятна, проста...
Но душа простоты не хотела!
Осталась ты песней таинственной –
вечно бы слышать! –
Мерцающей звёздочкой.
Ветром, что вербы колышет.
Грозами под небом бессмертным,
и нежным, и строгим...
Вовеки к тебе
не закончится жизни дорога.

1978 г.

В С А Д Н И К И (поэма)

Памяти моих побратимов, украинских поэтов
Валерия Гончаренко, Леонида Народового

“Белый конь пришёл...” –
Последние слова Гончаренко.

*“Остановлюсь, когда в тумане
Чья-то огнистая глава
Погаснет на коне буланом?”*
(Иван Драч)

Глава 1

Хлопцы, как далеко
Занесло вас от дома:
Ускакал белый конь,
И не видно гнедого.

У родных и знакомых
Кто да где – нет вопросов:
Вас умчали те кони,
Что назад не приносят.

Что там слава? – слова!
Память хрупче, чем дым...
Самый старший из вас,
Я седею один.

У зимы на пороге
Страшно голым остаться.
Повиниться пред Богом?
А за что “извиняться”?

А за что – всё равно,
Не играю словами:
За вину, что вино
Разделил, но не с вами?

За безгрешный мой быт
И за холод в квартире?
Что ещё не убит
Чьей-то подлой секирой?

Перейдён Рубикон,
Чуб увит сединою,
Но последний мой конь
Не приходит за мною.

Что не рухнул в траву,
Что живу я. Живу!
А вокруг лишь слова,
Мы другими не стали:
Ленинградский бовван
Тычет перст с пьедестала.

Что на “Волге” колхозной,
Цвет сменив, но не совесть,
Едет Чичиков грозный,
В президенты готовясь.

И что Гоголь грядущий,
Унижённый и нищий,
У Коробочки ушла
Просит гривну на книжку.

О, мои побратимы,
Где же истины семя?
Вы дождями живыми
Выпадают на землю!

Эти капли небесные
Собираю в ладони я –
Приходите во сны мои
Горько-солёные...
Леонид – на гнедом,
А Валерий – на белом
Мой покинули дом –
И душа опустела.

Глава 2

Народовый ходит
В знаменитых.
Народовый выдал
“Вічне жито”.
Гонорар в кармане
Не скрывает, -
“Приливаем.”

На столе вино
И красное, и белое,
За столами
Академики с дебилами,
Кровные друзья-враги
По музе
В неделимом творческом
Союзе.

Тут пассивы все и все активы,
Рифмы, рыла
И речитативы.
Тут авансы даже,
Гривы, чёлки,
Стукачи со стажем,
Стукачёлки.

Вопли, хохот,
Грохот дискотеки,
И тупое
Чавканье генсека.
И в державном безмятежье
Важно
Так же бьют часы
На Спасской башне.

И верёвка та же,
И плакаты,
Кровь невинных,
Заживо распятых,

Те же “воронки”,
Вагоны, трюмы,
А вокруг решётки,
Тюрьмы, тюрьмы...

Народовый платит.
Шито-крыто, –
Народовый выдал
“Вічне жито”.
Он кричит,
Он гордо поднял руку:
“Тихо! Я читаю.
Тихо, суки!”

Музыка и крики –
Всё затихло.
Леонид
В разодранных ботинках
Влез на стул
В неосторожном раже
И стихи читает
Тихо, страшно.

И склонили головы
Понуро
Шептуны, шептухи,
Просто шкуры,
Присмирели
Жигуны, жокеи,
Спекулянты, жулики,
Лакеи,
Нищие и каста

Знаменитых, -
Народовый выдал
““Вічне жито””.

А наутро
Появились слухи:
Бросив ресторан,
Где грязь да шлюхи
(Может, это правда,
Может – утка),
Спит молодой поэт
У проститутки.

А потом –
Ещё новее вести:
Выговоры, штрафы
И повестки...
Новый день – в нём
Новые заботы:
Голод, холод,
Снова – без работы.

В пору ту
Меч наказанья
Грозно
Опускался точно
И тверёзо.

Глава 3

*“А мать моя – простая прачка,
И в этом вся моя вина”.*
(Валерий Гончаренко)

Шла война.
Апрель сорок второго.
(Как же быстр у времени полёт!)
Где-то
У посадки малокровной
Рухнул и взорвался
Самолёт.

Злая боль утраты
Сердце режет,
А слезам и горю
Нет конца:
Василя
Не дождалась Надежда,
А дитя
Не встретило отца.

Но осталась
Версия-феерия
И легла заветом
В поле ржи:
“Если сын – то назови
Валерием,
Пусть, как Чкалов,
Будет небом жить”.

И ступил на землю
Босоного
Паренёк
С мечтателя челом,

Одарённый
По велению Бога
Поднебесным
Светом и теплом.

Да слезою чистою,
Вот тою,
Что родит в младенчестве
Беда,
Что навек ложится
Добротою
На сиротски горькие года,

На школярство –
Дня в нём сытым не был –
И на юность
В тучах и дождях...
Люди! Он не поддавался
Гневу,
Он любил вас, люди,
И прощал

Вашу низость, серость
И жестокость,
Вашу скупость,
Жадность на любовь,
Словоблудья
Грязные потоки
И обид несправедливых
Боль.

Для него всё в жизни
Было можно:
Песни и цветы над головой.
И не раз начальство
Осторожно
Обходило стороной его.

Обходило,
Опасаясь драчки,
Обходило
Много дней и лет...
Но вставал –
От лётчика и прачки –
Для Отчизны –
Звёздный сын-поэт.

А земля дала ему (о, ненько!)
Счастье, о котором лишь мечтают:
Встретились
Гончар и Гончаренко.
Мудрость зрелая
И юность золотая.

Потому на радость –
Не на горе,
Словно честь козацкого коша,
В душах отпечатались
Соборы,
Нерушимы, вечны,
Как душа.

Глава 4

“Звон подсолнухов падает с неба”.

(Валерий Гончаренко)

Кто порвёт бывшего струны,
Правды так и не узнает...
Ты пришёл ко мне в июне,
Подарил косынку Тае.

Где-то ветры в вербах плакали
За годами, что промчались.
Мы с тобою всё “балакали”,
Разомлели над борщами.

Сквозняки ушли и промахи,
Потеплело повсеместно,
И откликнулись подсолнухи
Дивозвоном поднебесным.

Дивозвоны те качались
Между звёздными мостами.
И сердцами побратались
Мы, рождённые постами.

То, что властью не додушено,
Не скатилось в травы сорные,
В наши души сквозь отдушины
Проникало с неба зорями,

Бушевало, вырывалось
Прочь из плена многолетнего.
Как мы пели и смеялись
Вечерами теми светлыми!

Как же нам тогда дружилось,
Как же нам мечталось, брат мой,
Как бывшее в мир просилось
Неоплаканной утратой!

И тогда на свет в оконце
Вдруг собрались тени лёгкие:
Украинцы, наши хлопцы,
Смелые, но недалёкие.

С ярко-красными китайками,
С сине-жёлтыми знамёнами...
С Богунами, с Наливайками
И железа перезвонами.

Кобзари, слепцы с бандурами,
Тоже встали за левадами –
Все, кто продан и обдурен был
Переяславскою зрадою.

И луна бледнела в небе,
Увидав (зачем ей ретро?!)
Как просили хлеба, хлеба
Те, кто умер в тридцать третьем.

Пустяки сквозняк и промахи –
Сердце взорвано утратами...
И звонят с небес подсолнухи
Бухенвальдскими набатами.

Глава 5

*“На свете пожить бы
Желанье пришло,
И, может, пожил бы,
Да солнце зашло”.*

Как не ощутили
В июне леса,
Что стали зеницы
Твои угасать?!

Пожить бы! - кричала
В груди боль колюче,
Но приступ ночами
Безжалостно мучил.

Пожить бы! – последний
Осилить экзамен.
Пожить бы! – инсульт!
Роковой, страшный самый.

И в медном оркестре
Срывается альт.
Копытами конь
Бьёт уже об асфальт.

Пожить бы! – Да те
Ухмыльнулись спесиво,
Кого в этой жизни
Не смог ты осилить.

Кто сроду народу
В глаза не смотрел...
“Мы вечного рода,
А ты вот сгорел!

И нашу весомость
Не вам отменять.
Давай, без сомнений
Садись на коня!”

Как в злобном похмелье,
В лицо рассмеялись.
Считали – сломали,
Да вот просчитались.

И всадника песня
Тревогой звенит,
И конь белогривый
Рванулся в зенит

Глава 6

*“Ты выходишь на улицу
Собственного имени”.*
(Андрей Мальшко)

Когда стирают думы
Последнюю точку
С небесного чела,
Слышу в небе “КРОКИ” (ШАГИ),
Вижу, как
С “ЧЕРВОНОГО ВОЛОСОЖАРУ”
На красавцах-конях
Мчатся два всадника,
А небо смотрит мне в душу
Дивными звёздами их очей,
Тревожит “ДУМАМИ ПРО ОТЧУ ЗЕМЛЮ”.

Кони бьют копытами,
Высекая искры,
Которые падают на жаждущие нивы
Зёрнами “ВЕЧНОГО ЖИТА”.
И прорастсют всходы,
И птицы готовятся в полёт, -
 (“Вересневе вересню,
А менІ мое...”) –
Чтобы вернуться весной
Со своими песнями.
И так испокон веков,
Потому что поэзия и душа
Вечны

Просыпаюсь утром
На улице Гончаренко –
Стоят двое
Возле редакции...

2000 год

Ї ĐĪ ÇÀ

ВЫСТРЕЛ В СПИНУ **(рассказ)**

Иван Шаповал любил ту пору года, когда гуси курлычут над землёй, когда ещё пахнет последним обмолотом сентябрь и наливаются целительным соком зелёные побеги, когда жирные пласты чернозёма выворачиваются из-под плуга прямо под ноги и, кажется, само небо, синее, как глаза Ивана, мечтает о чём-то добром и светлом, побуждая к путешествиям и поискам.

Был Иван кузнецом, сыном и внуком кузнецов, унаследовав от предков ту способность к труду, которая не позволяет делать своё дело как-нибудь: металл в его руках приобретал форму и содержание, мог радоваться и сердиться, говорить и петь, но чаще всего рассказывал истории коренных землепашцев, оторвать которых от земли – означало убить...

Да и простые орудия труда, тяпку или лопату, так выкует, что хватит внукам и правнукам нашим... Поднимался он рано, с первыми проблесками рассвета, и имел привычку по дороге в кузницу заглядывать во дворы к родственникам, а их у него было чуть ли не треть села, выражал, так сказать, своё уважение к ним, а попутно, если повезёт, то и сельские новости узнавал.

- Здоровы будьте! Как ночевали?
- Спасибо! И ты здоров будь. Позавтракаешь с нами?
- Да спасибо, уже причастился, пора и за работу.

И, мельком взглянув на карманные часы, продолжал свой путь к кузнице.

Часы были ивановой гордостью и святыней. Ещё во время империалистической войны вручил их рядовому пулемётчику Шаповалу есаул Лисовецкий, в будущем – один из командиров Красной Армии. А когда Иван женился на Марии, красивой и работающей сельской девушке, то отпустил роскошные рыжеватые усы и стал величаться Иваном Фомичом.

Плакал Иван Фомич один раз в жизни и то не от каких-то там невзгод или ран. Плакал в день смерти Ленина, горько и долго, как ребёнок, вытирая солёные капли с округлого лица огромными, чёрными от мазута ручищами.

Сына, который вскорости родился, в честь вождя нарёк Владимиром, без колебаний и сомнений вступил в товарищество по совместной обработке земли и подал заявление о вступлении в партию.

Вот так и жил себе кузнец, ковал спокойно плуги и бороны, пока не приснился ему сон. Тогда бытовал в народе красный цвет: красные знамёна над зданиями, красные косынки, красные галстуки... А Иван увидел во сне трактор красного цвета – окрашенные красной краской металлические части машины, красный руль, красные колёса... Огромный, он двигался по полю под марш Будённого, вспахивая одновременно четыре глубокие борозды.

Сон Ивана сбылся.

Коллектив приобрёл трактор, и Шаповалу доверили первым проехать через всё село на невиданном селянами стальном коне. И бежала за ним людская толпа, выкрикивая что-то радостно-торжественное, и развевался над трактором красный стяг, как гарант мировой революции.

Сельского умельца заметили и пригласили в райцентр работать механиком. Но Иван мечтал иметь самый современный двигатель в селе, потому что было у него давнее упрямое желание облегчить труд хлебороба. Вернулся он в родные Трилисы и начал готовить себе замену – обучать механизаторскому делу способного трудолюбивого хлопца Тихона Ткаченко. В семейной жизни тоже произошли перемены: жена подарила ему двух дочек – Марию и Ольгу. А уж любил он их так, как умеют любить только большие, сильные люди эти крошечные беззащитные создания... Уже и хату поставил на взгорье, недалеко от пруда. И хата эта издали привлекала взгляд золотистой соломенной крышей, тесовыми воротами и голубыми оконницами, а внутри помещение поражало белизной стен, чистотой и аккуратностью, тем особенным сельским уютом, когда пахнет посланная на земляном полу степная трава, мята и

чебрец, а ночью гениальный скрипач-сверчок виртуозно исполняет свои мелодии.

Но судьба, которая подстерегала тогда чуть ли не каждого третьего жителя огромного, насильно склёпанного государства, не обошла и доброй семьи Шаповалов. Пришли ночные “гости”, разбудили. Хозяин широко, без страха распахнул дверь, пригласил войти.

- Добрый вечер, люди хорошие, заходите да скажите, с чем Бог послал.

- Ты смотри, он в Бога верует! – пырнул один из троих, самый молодой, с едва заметным пушком над губой.

- Да нет, коммунист я, просто – в народе так говорится.

- Ком-му-нист? – насмешливо переспросил другой, - А часы имеешь?

- А как же без часов? На работу же...

- Бережёшь, значит, подарочек белогвардейский?

- Да что вы. Это же от товарища Лисовецкого... Он же красный командир, герой!

- Он же, - проговорил третий, с невыразительным жёлто-серым лицом и безразличным взглядом бесцветных глаз, - твой есаульчик только примазался к нам, чтоб выжить, а на самом деле занимался шпионажем и готовил диверсии.

- Брехня! – выкрикнул Иван, но, встретившись со взглядом жандармов, понял, что спорить бессмысленно.

Наспех попрощавшись с женой и детьми, надел латаную свитку и шагнул в темноту.

Вот так не стало в селе кузнеца-тракториста, а у троих детей – отца, так овдовела Марья Ивановна – смуглая красавица с такими же, как у мужа, чёрными мозолистыми руками. А партия почему-то называла себя народной, и эту бессмыслицу повторяли, выкрикивали, скандировали десятки миллионов оболваненных ртов: одни – в слепой вере, другие – в притворной угодливости – лишь бы подняться на ступеньку выше в своей карьере, третьи – из страх, боясь, что за ними тоже придут днём или ночью, четвёртые, уже агонизируя под железным занавесом кремлёвских преступников – с призрачной надеждой на спасение. Так вот, эта партия потеряла ещё одного из наиболее ярких своих фанатов, верующего в мировую

революцию и завтрашний коммунизм.

Умер Иван Фомич в начале войны, когда большую группу заключённых нужно было передислоцировать в самые отдаленные места коммунистического строительства.хлопотное это дело – перевозка, да и затрат соответствующих немало требует, поэтому решили, что удобнее и экономнее будет тут, на месте...

Удивился Иван, что в тот день выводили на прогулку поодиночке. Равнодушно шагал по пропинке между деревьев, как вдруг раздался выстрел. Да, он почувствовал этот выстрел в спину и лёгкую, незначительную теплоту в груди. Закружилась голова, но, прежде чем упасть навзничь на неприветливую чужую землю, он оглянулся, увидел дуло винтовки и лёгонький дымок, поднимающийся вверх.

- Что ж ты в спину стреляешь, сволочь? С кем же вы... останетесь?..

Так и не узнал сельский кузнец, что его дочка Мария будет учить детей в школе. Что самая младшая, Ольга, выучится на врача, а Владимир дойдёт пешком от колхозной молотилки до фельдшерской школы, потом будет Черновицкий мединститут, война... Окропит сын и внук кузнеца своей кровью родную землю, защищая её от фашистов. А уже потом, став профессором-хирургом, приедет из города Харькова в родные Трилисы, зайдёт в отцовскую хату, где давно уже живут чужие люди, положит на стол святой хлеб и... заплачет.

---

* Владимир Иванович Шаповал – директор Харьковской урологической клиники, профессор, заслуженный деятель медицинских наук Украины, академик.

ПЕТРУСЬ И ЛЮБКА **(рассказ)**

Все её так и звали – не Любовью, не Любашей, а именно Любкой.

Жили Григораши в лесу. И Любке приходилось ходить в школу в соседнее село километра два туда и обратно. Отец её, лесник Емеля, на фронте не был, так что в сравнении с большинством осиротевшей сельской молодёжи девочка одевалась, как королева, и отличалась от других ещё и какой-то ранней не по годам взрослостью и уже в десятом классе привлекала поклонников стройными сильными ногами, высокой грудью и небесной голубизны глазами на смуглом лице.

Большинство парней, которым иногда выпадало счастье провожать девушку вечером из клуба домой, получали пощёчину, а то и синяк под глаз за малейший намёк на близость. И только один Пётр Яворчук, богатырского сложения послевоенный школьник-переросток, провожал её из школы ежедневно, незаметно следуя метрах в пятидесяти. Это вызывало удивление и насмешки одноклассников, но злословили, в основном, за глаза, между собой, потому что рыжий и угловатый Пётр мог, как говаривали люди, кулаком быка убить, так что насмешники сразу же умолкали от одного лишь взгляда его серых глаз.

Иногда Любка, заметив издали русую шевелюру, звала:

- Эй, мальчик! Подходи ближе, я не кусаюсь! Или тебе, может быть, мама не позволяет ходить с девочками под руку?

Яворчук краснел, но всё же догонял девушку и, забрав у неё тяжёлый портфель, топал сапожищами рядом, не отрывая от одноклассницы влюблённого взгляда.

- Ну что же ты стережёшь меня, Петрусь? Вон у меня сколько кавалеров, что если один попытается меня украсть, то другие за юбку удержат, так что я никуда не денусь.

- Кто же эти кавалеры?- бледнел Пётр. – Назови хоть одного – и он через весь лес до самого села по-пластунски ползти будет.

- Какой же ты злой, мой милый. Ну побьёшь ты, скажем, секретаря сельсовета Яшу Федченко. Он хотя и старше меня лет на пятнадцать и без одной руки . но зато интеллигент! Да и советскую власть в селе представляет...

- Ну и что?

- А то, что вышлют тебя а-аж на Соловки... по политическим мотивам, - балагурила Любка.

Но когда пришёл тот последний школьный май и всё на свете – лес и травы, и пьянящий душистый воздух - задрожало от соловьиного щебета, эти, такие разные на первый взгляд, парень и девушка как-то душевно сблизились, посерьёзнили. Часто садились у забора любкиного двора на огромную дубовую колоду и долго слушали музыку весны, пока не начинала звать дочку домой мать, маленькая и болезненная Меланья.

- Любка! Корова не доена, уроки не выучила, а ну марш в хату!

- Слышишь, Петрусь, корова уроки не выучила, так что иди ты уже домой, - шутила девушка и исчезала за забором.

... Выпуск в те годы десятиклассники отмечали вместе с родителями, потому что соображения были таковы: если человек получил аттестат зрелости, то он уже взрослый и может себе всё позволить – погулять до рассвета, поговорить серьёзно о жизни, а хлопцы могут и по сто грамм пропустить той самой, домашней из буряка. Тогда ещё слово “алкоголик” в селе никто не слышал, редко кто из детей видел отца пьяным, один только Данило Таран иногда шёл домой пошатываясь, чем иногда вызывал смех и даже презрение односельчан. Но был этот Данило плотником и зарабатывал стопку в поте лица своего, день изо дня что-то мастеря на подворье какого-нибудь хозяина.

Так вот, когда наступил выпускной вечер, прямо в школьном зале поставили столы с выпивкой и закуской, все расселись возле них – и начался тот сельский щедрый вечер, о котором невозможно рассказать, нужно только побывать на нём, чтобы почувствовать всю простодушность и щедрость селян, радующихся за детей своих, радующихся тому, что уже который

год не рвутся снаряды, и хотя на нищенский трудодень жилось частенько впроголодь, но считалось, что это временно и скоро пройдёт, как и война. Каждый, или почти каждый, искренне верил в недалёкое, сказочное коммунистическое изобилие, которое вырисовывалось в воображении бесчисленными килограммами всевозможных продуктов и горами разнообразных товаров.

На вечере ораторов было хоть отбавляй, выступали родители и учителя, родственники и знакомые, а под конец слово взял молодой военный, который прибыл со специальным поручением районных властей – агитировать хлопцев поступать в военные училища.

- Хотя мы и победили фашистского зверя, но страна всё ещё в окружении империалистов, которые вынашивают планы нападения на нашу демократию, стремятся подорвать наше единство, привить молодёжи гнилую мораль...

- А девочкам можно поступать в военные училища? – спросила Любка.

- Думаю, что таким, как ты, можно, - ответил лейтенант, внимательно посмотрев на девушку.

Начались танцы под баян. Лейтенант не отходил от Любки. Они танцевали вальсы и танго, польку и краковяк... Девушка раскраснелась и выбежала на крыльцо, оттуда – на вишнёвую аллею, часто дыша и подставляя лицо тёплому июньскому ветру.

- Так ты хочешь в военное? – послышалось рядом. И Любка вздрогнула от неожиданности:

- А что?

- Но ведь там такая комиссия, такой медосмотр.

- Ничего, я пройду.

- Ну что же, сейчас посмотрим...

Офицер схватил Любку за обе руки, мгновенно заломил их за спину и грубо опрокинул девушку в траву.

...Пётр долго курил сигарету за сигаретоц на школьном крыльце. Уже давно разошлись и разъехались родители, ушли по улицам, распевая песни, хлопцы и девчата, а его любимой нигде не было видно. Задумчиво пошёл он по знакомой аллее и

вдруг останеовилсь как вкопанный, услышав чей-то

т о о а а в о о , і і і і е т е а + е а і о і т о а і е а .

- в , е т і а + і т , ж а і а о , і т ... в о л о о т ь о а а а т о т о а в о о ь , о і е о а т о о і т е + е . с т а а о и , о а і а о и і а о а е в а в е т т т в о + е о и т а і т т о о , в а ... е е о т о a a a т т а а в о о ? А у а л , а е у о а а у л а а в а р , і і і ж а о а а і а і , а л о о а + а о і л у ...

- О а е о а е л у а і і , л е т о е і а !

О л е и о а а у о т о а т е і л , і , о о о а а і о е л у , л а а а а в о о е т а o і і і і о о т о о ж е а , о а с в о о а у а е о т а і е о о т т а т е ь + е а а а в о о . О т , + о т і і о а в а а в , с а л о а а в е т а а т і л о т е а і а і о о . і а о o a a a в а ж а а в а і а а с т е + и Е р а а а , а , а т е и а а , а о а л е і р о і і е л о o a і т а a a a e а в о і і і і л а a o a , а о у а і і л о і у в і а е т e a і у o e a e o a і a і o , а o і ж а u e і e o o e a і e і a a a a a u т т o o o т а р .

А л , а а е і і а a e a a т o t e c t e e і , e a e а с a і a a e a і і t e e e і t л і , і e a . і o e o a o о у ж а e t т т a і у e l y і a і t a e e т a o a t o a a і і t c a e o e + a e , o a a e u і t і u o o e a , + o t t o y і t e і a і o t o e a e e ж a o l y л і a o o i . і , o o e a a t e o o a t e л o a a o e e і a l e e u і e e a c a a t o e t e , і a t o t o l e a y , і a l e t e u e t і e і o o , т o e o t a u a і a e l o t a l o a t , a e e т т a t e t a a ж a e a c і o і т o a a o i e o e a + e u a і . і т o t і , т o t o l o e a т a l y e e a a o a e t , т т a і у e Е р a e o л c a і e e , т a o a a e і o e + a o a c т e a + і e т т і , л + a o a c л o a t y e e a l o , і a o a c v e o a y a t o t a e , л і t o u e a u l y e т a a a y a c a t y e , і і і u e o a o t e e e a a o a a e , e o l a y c o a a і e a a t a t o u e e a л o a a e e . А a a o e a o e o t o o v a e a .

і a т t a a t o u a e a і e e a a l , a u e t o e o t . О і c y a a a a a a і t o ж a л т a e e , o t e u e t e t o i a o o e А o t a e t , c a l e o o e a e a e e u і o a o a t л o t і , a t a a o + e a t т т o , o l y t і a o e e і o і t a o .

А a a o e a o ж a і a т e a e a e a . і і a л a a і a o t e l o o p e t e t a o , т o a a o e e a a t e t a o o o e a і e e і a a t e a t c a і t e + a e a . і т o t і e , т т o t і л т o t і l e e a :

- x o t ж a o a t a o i a o a a o , і a o y ?

- N a e + a l o u o і t a e u l y , т a o a t a a і a e u l y e т t e a , o u a л a і p e t і і a o o . і e a t і o і e л e t a a . А у a t o o a e e т t e a o т o y і e a t і - a o a e t o a a e і e e e e e . А л e e і a o a l l o o a e y p o - т o l e ж o e a e - o t . А a a y у ж a o e e a a t .

... А т a o a і у a t t o t л a і a a l a a t t o t л u л e a a t a a o a e y і , o o т o a a + a e т a і t t a o a c і t e , e a c a e t л u , a a ж a a a c o a c e e + і t :

- і т a a o t e e e і o л e a e o a і a і o t і t a a , a t o t і e т o a a e і o ж e e

побоксировать. Говорил, что приёмы знает. А я силу не рассчитал да и завёлся спяну, не помню уже, куда бил...

Дали Яворчуку десять лет строгого режима, но отсидел он только два года. Вышла амнистия – и хлопец вернулся в село, худой и хмурый, обним словом – убивец. Так окрестили его злые сельские языки. И хлопец, неразговорчивый с малолетства, окончательно замкнулся в себе.

Да и события в селе произошли немаловажные. Любка родила дочку и начала работать в лесном хозяйстве, помогая отцу, потому что мать неожиданно умерла, так и не увидев внучки. Поползли грязные сплетни, будто бы к леснику зачастили то председатель колхоза, то агроном, “сочувствуя” одинокой женщине, говорили и о лесорубах, за которых, мол, лесник Емельян безуспешно пытался выдать свою дочь. Никто не хотел брать невесту с “приплодом”.

А Пётр, закончив курсы водителей, сел за руль пошарпанного самосвала и работал на перевозке разных грузов, курсируя с рассвета до полуночи разбитыми и разъезженными дорогами. Только иногда, когда в селе затихал гомон и сонно гасли окна, заворачивал на знакомую дорогу к лесу, останавливал машину и, присев на подножку, слушал птичье пение в непонятной самому душевной печали одновременно с болью и грустью.

В одну из таких ночей во дворе Григорашей залаял пёс, а от леса отделилось две фигуры. До Петра донёсся развязный и даже насмешливый голос колхозного кладовщика Василя Ивашко.

– Ну что ты ломаешься? Сказать бы девушка – другое дело, а так... Что тебе терять? А я в долгу не останусь...

Женский голос заставил Петра вздрогнуть, сердце его сжалось и бешено забилося в груди.

– Идите домой, дядя Василь, к своей жене. То, что я потеряла, вы мне не вернёте. А когда придёте домой, посмотрите на себя в зеркало – вы уже стар и немощен для таких приключений.

– Ах ты ж... Какая королева выискалась! Да я хозяин во всём селе... Таких шлюх купить...

Пётр, не понимая толком, что делает, прыгнул в кабину,

запустил двигатель и включил фары. Машина рванулась с места. Перепуганный кладовщик бросился в степь и тяжело побежал, путаясь в бурьянах. “Газон” с рёвом нёсся за беглецом – и расстояние между ними сокращалось .

Неизвестно, чем бы всё это закончилось, но внезапно в свете фар перед самым капотом возникла фигурка Любки. Взвизгнули тормоза. Пётр выскочил из машины и бросился в объятия протянутых к нему женских рук.

– Петруша, любимый, возьми меня, возьми... Не оставляй одну в этом пекле. Я до самой смерти тебе верной буду, я тебя любить и беречь буду, как никто и никого, только не покидай. Мне страшно одной в этом мире, где каждый хочет насмеяться и обидеть... Возьми меня, Петруша, Христом-Богом молю!

Любка целовала хлопцу лицо, шею, руки, которые пахли бензином и тысячелистником, гладила поредевшую рыжую шевелюру, а по щекам градом текли слёзы, вспыхивая искрами в свете фар. Это были слёзы очищения, облегчения и счастья. Так бывает в природе после сухой жестокой жары во время спокойного и безветренного ливня.

...Доярки, которые, как известно, идут на работу уже в четыре часа утра, видели, как к хате тётки Яворчихи подъехала машина и из неё вышли двое – мужчина и женщина. Да ещё маленькая девочка дремала у мужчины на плече.

ТАКИЕ ЖГУЧИЕ, ТАКИЕ ЗНОЙНЫЕ ИЮНИ (воспоминания)

Впервые с Валерием Гончаренко встретились мы в июне 1971 года, хотя друг о друге слышали раньше и даже обменивались иногда своими тоненькими книжечками и нечастыми газетными публикациями – по почте.

Поэтому, когда я пришёл на летнюю площадку центрального парка в Кировограде, где газета “Молодой Коммунар” устроила поэтический конкурс, он, приблизившись несколькими стремительными шагами, ткнул руку и, панибратски хлопнув по плечу, сказал:

- Привет, старик! Что будешь читать?

Не знаю почему, но с того момента я почувствовал какую-то органическую потребность общаться с этим белокурым человеком, иногда таким колючим и категоричным в своих суждениях, но безгранично откровенным и добрым в повседневных человеческих отношениях.

Часто в областных литературных кругах можно было услышать разговоры и такого типа;

- Где Гончаренко?

- Они с Крымским “скинулись” и смакуют “Билэ мицнэ” в “Пэрлыни стэпу”.

Бывало и такое. И к этому привыкли наши кровные единомышленники и оппоненты: если сельский эскулап заявился в город из своей абorigеновки, он должен выговориться, исповедаться, вылить всё, что накопело в душе, только одному человеку, которого уважал и которому доверял безгранично. Иногда появлялся кто-нибудь третий, Чаще всего это был Леонид Народовый. Читали тогдашних диссидентов, в частности Вознесенского:

*“Пусти, красавчик Квазимодо,
Душа болит, кровото́ча,
От пристальных очей свободы,
От нежных взоров стукача”.*

Валерий страдал. От периферийности, от цензурных, а потому и тематических ограничений, от постоянной трудовой неустроенности и даже (страшно вспоминать) – от элементарной нехватки куска хлеба.

Наделённый редкостным талантищем, он буквально взрывался стихами, декламировал их с актёрским мастерством, свойственным только ему апломбом, своеобразно прогибаясь и жестикулируя – засмотришься и заслушаешься! При этом иногда дёргал себя за воротник сорочки, словно тесно ему было в телесной оболочке, в оболочке этого запылённого и потерянного в степи одноэтажного города. Поэтические рукописи возвращались без рецензий или не возвращались вообще, столичные газеты и журналы не печатали, долго стучал в безразличные двери Союза писателей. Ещё бы!

*“Не страшно повстречаться с дурнями,
Но и опасней, и страшней
Коробочка номенклатурная
В безмозглой тупости своей.*

*И мне бы не бросаться кибчиком
На зло царящее, а то
Раздавит вмиг товариш Чичиков,
Сев в персональное авто”.*

(В. Гончаренко, “Свичадо”.)

О, эта доверчивость! Эта открытая и незащищённо-ранимая душа! Когда “Литературная Украина” наконец-то напечатала его поэму “Звоны подсолнухов”, Валерий радовался, как ребёнок. Он прислал мне в Трилисы газету с припиской: “Я тебя позову, старик, вот только гонорар получу”.

Чаще всего мы встречались в июне, когда уже отщелкали свои оратории серые гении-соловьи и землю заливал густой душистый зной.

Десятого июня моя жена приготовила скромный праздничный стол в честь дня своего рождения. Гончаренки (Валерий и Наталья) всегда приезжали с какой-нибудь приятной безделушкой, которую в ту пору невозможно было достать в

Анатолий Крымский. Избранное

селе: например, сборник стихов Драча или Евтушенко... Или вот так: эффектно разжать запястье – и оттуда выплывет легчайшая нейлоновая косынка.

*“Ты пришёл ко мне в июне
И принёс платок для Таи...”*
А.Крымский

До вечера ещё далеко, и, перекусив чем-то на скорую руку, мы бредём по травянистой тропке, чтоб в изнеможении плюхнуться в прохладную воду пруда и долго ухать и ахать, прыгая в каком-то диком танце. Потом плывём вдоль плотины и ловим там раков в норах между скользкими камнями. Раки цепляются клешнями за пальцы, и Валерий кричит так, что мои односельчане удивлённо останавливаются и слушают его крики:

– Что ж ты за палец уцепился, зверюга, бандит пресноводный, ой-ой-йой! Я же Гон-ча-рен-ко из Кировограда! Ух. Отцепился. Старик, ты бы хоть какие-нибудь перчатки прихватил из своей операционной. Теперь пальцы распухнут. Понимаешь, я на асфальте вырос... Никакого иммунитета...

Последние слова прозвучали грустно и обречённо, и я только теперь заметил, что лицо моего товарища бледное, с желтоватым оттенком, а на виске часто-часто пульсирует артерия.

Вечером столы ставили во дворе, неторопливо рассаживались под кроной яблони, подвесив на ветке лампу-переноску от ближайшей розетки. После “вступительных” стопок все замолкали и деловито сосредоточивались на еде. Наблюдательный Гончаренко толкает меня локтем в бок и шипит на ухо так, чтобы слышали все:

– Толя, Иван Фомич уже шестую котлету дожёвывает, он тебя по миру пустит.

Толстеный добродушный Фомич (как его все величали), подмигнув мне, энергично отреагировал:

– У нас с Анатолием после третьей стопки норма – двенадцать котлет, да ещё каких – съешь три и нос утри, куда там киевским! Мелюзга...

– Хорошо вам, а тут – давление. Твои, старик, коллеги

замучили – ни выпить, ни закусить, ни вообще поесть нормально. На морковке сажу. Разве это жизнь?!

У Валерия был сильный звонкий голос и любимая песня “Прилетела ласточка”. И пел он её, вкладывая в мелодию всю душу, и жестикулировал, как и при декламации.

Потом был отъезд... И было письмо, такое грустное...

“Привет, старик! Тебе телефонировали, что я совсем скукожился? Снова микроинсульт, и не знаю уже, какой по счёту. А чувствую себя терпимо, только голова болит. Помнишь, за столом у тебя я читал “Парад химер”?”

Так вот, поэму я закончил, осталось найти спонсора. Чертовщина какая-то!

При советской власти благи ищи, а теперь – благодетеля, который бы тебя ошастливил, оплатил издание. Да ничего, пробьёмся. Ну, будь. Заходи”.

1999 год. Последний июнь наших встреч отличился внеплановостью. Десятого Гончаренки не приехали. Уже где-то в конце месяца мы с женой возвращались с ночного вызова. Привычно заруливая во двор, я увидел в свете фар Наталку и Валерия, которые, обнявшись, дремали на пороге нашего дома. А на коленях у Наталки поблескивал новенький электрический самовар.

...Ближайшим воскресным утром все вместе поехали ловить карасей в соседнее село Ивановку, где по сведениям ОБС (одна бабка сказала) караси сами из воды выскакивают. Пока мы с Валерием смогли поймать по одному, моя дочка Ирина вытащила одиннадцать.

– Ира, ты что, рыболов-спортсмен?

– Конечно, естественно, - самодовольно промурлыкала будущая поэтесса и тут же мастерски подсекла двенадцатого.

Где-то в полдень в разгар июньского зноя в небе появилась тучка, из которой резанул такой дождище, что мы едва успели забраться в салон нашего УАЗа. Валерий от неожиданности

замер. На маленьком столике, застланном старыми газетами, красовался огромный гусь, запеченный в яблоках.

– Та-а-я ! Это ты целого гуся не пожалела ?

– Так он, Валера, был какой-то не от мира сего. Да и к гусяне равнодушен. Одни стихи на уме...

Хохот потряс воздух. Обитатели просторного салона буквально “ползали на четвереньках” и только жадно хватали ртом воздух.

Ещё будут рассветы и закаты, будут радости и печали, будут встречи и прощанья, простые бытовые разговоры:

– Господин главврач, вот вам солидный модный галстук...

Или:

– Ты, Валера, свои вельветовые брючки где-то краской испачкал, вот возьми Анатолия.

...В двухтысячном Гончаренко издал сразу две книги. В последний раз мы встретились в мае на улице Луначарского, возле редакции газеты “Народное слово”.

– Ну, Крымский, готовь свои дилетантские удочки, в июне мы к вам нагрянем!

Я по профессии врач и был свидетелем многих жизненных финалов, и даже как-то инстинктивно адаптировался к этим невесёлым событиям. Но всё чаще стал избегать долгих траурных процессий, стараясь “вежливо отбыть очередь” коротким поклонным визитом. Двенадцатого числа беспощадно знойного июня двухтысячного года всё было иначе. Там, вверху, покачиваясь над толпой в своей вечной персональной квартире, лежал мой друг и кумир, мой восхвалитель и скептик, самая радостная и самая печальная часть моего прошлого и осиротевшего будущего. “Белый конь пришёл”, – последнее, что он промолвил и, улыбнувшись, отлетел в вечность.

Стискивая в руке край колючего соснового венка, я тупо плёлся в толпе и удивился, что уже пора садиться в автобус и куда-то ехать. Зачем ? Вот так бы идти и идти за город, в степь, чтоб вырваться из этого равнодушного раскалённого каменного плена, туда, где пьянит запах полыни, где серебристо поблескивают озёра, туда, где жизнь.

Он хотел, чтоб похоронили рядом с могилой матери, но было какое-то “но” – и похоронили на “престижном” участке кладбища среди когда-то известных людей. Сил и слов для прощальной речи не было. Болело сердце, а в голове снова и снова всплывали стихи дочери, посвящённые, кажется, Высоцкому:

*“Хоронили песню,
Надгробье мостили.
Хоронили песню.
Талант хоронили”.*

СОДЕРЖАНИЕ

Тайны Анатолия Крымского, *Александр Корж*.....3

ПОЭЗИЯ

«На мои обрубленные...».....	7
Запев.....	8
Украине.....	9
Поэзия.....	10
«Перед глазами жёлтым, и красным, и синим...».....	11
Сельский этюд.....	12
Грохочет гром.....	13
Я ещё не домечтал.....	14
Осеннее.....	15
«Это может вдруг нахлынуть среди ночи...».....	16
«Вновь былое не отыщем...».....	17
Осенняя горечь.....	17
«Любимая, смейся...».....	18
«Заболит, заболит...».....	19
Озарение.....	20
Жизнь, покотившаяся вниз.....	21
Не сдаюсь отчаянью.....	22
Вместо эпитафии.....	23
«Я родился и старею летом...».....	24
«Когда трава роняет росы...».....	25
Этюд.....	26
«Дождик каплет...».....	27
«В небе месяц – белый серп...».....	27
«Пролетели гуси дикие неожиданно...».....	28
Элегия.....	29
«Полог лиственный выслан...».....	30
«Положи нежно руки на плечи...».....	31
О подлости (притча).....	32
Песня сивого вечера.....	33
«Был вечер, выдуманный мною...».....	34
«Ты в сердцах сказала: “Некрасивый...».....	34

«Я с тобой, моя родная...».....	35
Авангардистам.....	35
Подкупленный.....	36
«Ночь, пугаясь утра и светлея...».....	38
Накануне.....	39
«А осенью ветра над площадью...».....	40
Матери.....	41
Победа (триптих).....	42
Дорога к тебе (поэма).....	46
Всадники (поэма).....	53

ПРОЗА

Выстрел в спину (рассказ).....	66
Петрусь и Любка (рассказ).....	70
Такие жгучие, такие знойные июни (воспоминания).....	76

ЛІТЕРАТУРНО-ХУДОЖНЄ ВИДАННЯ

Валерій Петрович Корнієць

АНАТОЛІЙ КРИМСЬКИЙ
вибране

(переклад з української)

Російською мовою

Редактор: **Станіслав Янчук**

Верстка: **Андрій Тараненко**

Зверстано в ТОВ „Центрально-Українське видавництво”

Україна, 25006, м.Кіровоград, вул. Тимірязєва, 69.

Тел.: (0522) 24-48-51, 24-25-96.

Свідоцтво про внесення суб’єкта видавничої справи до Державного реєстру
видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції

серія ДК №4234 від 15.12.2011 р.

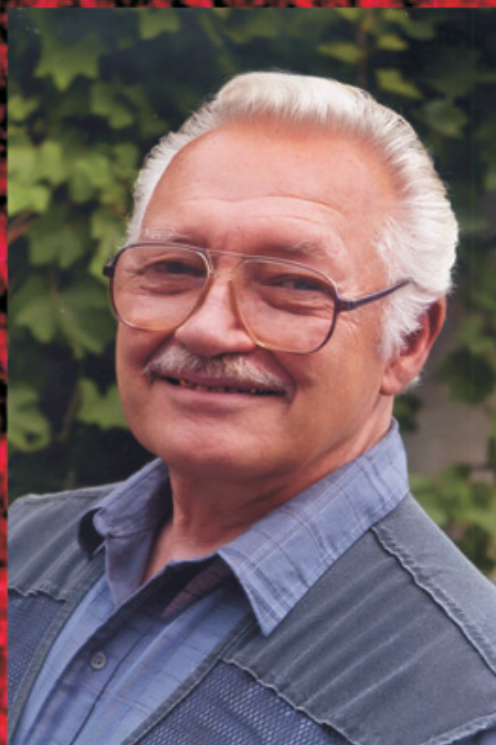
Надруковано ФОП Чудна М.С.

Підписано до друку 14.07.2014 р. Формат 60x84 1/16.

Папір офсетний. Друк ризографічний. Гарнітура Times.

Ум.друк.арк. 4,9. Тираж 100. Зам. 050.

*Корниец Валерий Петрович родился 25.02.1940 г.
Закончил филфак Кировоградского пединститута
им. А.С. Пушкина. Работал учителем, завучем и директором
в ряде школ г. Кировограда.*

*С 1983 по 1987 год был командирован в ДРА, где
работал советником Главного управления школ-интернатов
при Совете Министров Афганистана, занимался созданием
школ-интернатов для детей-сирот.*

*Пишет с юности, но только в 2010 году решился
опубликовать первый сборник лирических стихов «Судьбы
веретено».*

*В 2011 г. вышел сборник «Струны души», в 2012 –
сборник «Над кручею» и книга переводов с украинского языка
избранных произведений кировоградских поэтов.*

*В 2013 г. – сборник «Вкус полыни», где помещены
произведения автора и подборка переводов на русский язык
произведений Владимира Базилевского и Василя Симоненко; а
также сборник “Перо поэта” (переводы произведений
Тараса Шевченко и лауреатов Шевченковской премии поэтов
Н.Винграновского и Б.Олейника.*

*Член Кировоградской областной организации
Конгресса литераторов Украины.*